

ДОМ В ЛЕСУ

Чтобы добраться до этого дома, нужно было знать его точные координаты. Некоторое время нужно было ехать по широко известному и самому престижному в Москве району, потом выехать за город. Но случайно едущий человек с трудом разглядел бы указатель и, скорее всего, пропустил бы поворот. Дорога, которая вела к небольшому поселку, ничем не выделялась. Свернув на нее, гость должен был долго ехать через лес. Лес обрывался, его сменяла просека и почти сразу за ней поднималась высокая глухая стена и стоял неприветливый КПП. Здесь вообще никому не были рады, но чужим особенно. Место было похоже на легендарные старообрядческие поселения, сохранившиеся на Русском Севере. Если усталый путник постучит в ворота, ему оттуда протянут кружку с водой. А если он захочет ее вернуть — демонстративно ее выкинут.

Миновав контрольно-пропускной пункт, автомобиль попадал на благоустроенную территорию из

восьми больших владений. Между ними не было высоких бетонных заборов, сами участки утопали в садах, напоминая дворянские усадьбы прошлого. Владельцы могли годами друг друга не встречать.

В глубине одного из владений стоял двухэтажный особняк. Его облик напоминал сталинский ампир, хотя ни привычного для этого стиля декора, ни каменных рабочих сверху наклеплено не было. Атмосфера в мини-поместье была спокойной. После прихожей гости попадали в просторную гостиную, объединявшую два высоких этажа. В доме были тренажерный зал, бассейн, оружейная комната. Последняя со смертью хозяина оказалась всеми забыта и, если бы не тихая филиппинка, прибиравшаяся в ней, утонула бы в пыли. В тот вечер в доме отмечали Международный день элегантности. Этот праздник, который кое-кто из гостей с годами действительно стал считать международным, был изобретен хозяйкой дома взамен банальному дню рождения.

Ужинали семеро. Журналисту, если бы он присутствовал на мероприятии, было бы что рассказать и о гостях, и о знаменитой хозяйке дома в лесу.

Именинница Ольга, она же чествуемое в тот день живое олицетворение элегантности, была женщиной пятидесяти с длинным хвостиком лет. В семидесятых она снялась в паре фильмов, один из которых посмотрели все подростки Советского Союза. Ре-

жиссер в интервью говорил, что влюбился в ее глаза, случайно увидев на улице. Юную Олю преследовали поклонники, заваливая письмами и подарками. Все это продолжалось несколько лет и порядком ей надоело. Как следует помотав нервы родителям, в тридцать лет она вышла замуж за папиного сослуживца и мирно прожила с ним в этом доме двадцать пять лет. Два года назад после продолжительной болезни ее супруг скончался. На рубеже прошлого и нынешнего века Ольга увлеклась коллекционированием живописи. Она проводила долгие часы в антикварных магазинах и для приобретения картин даже путешествовала по России. Чтобы систематизировать новые знания, она окончила факультет истории искусств Университета и написала пять книг о живописи. В кругу специалистов они были встречены с безразличием. Однако номенклатурные коллекционерские круги восприняли их с энтузиазмом, и работавшей на них богеме это отношение пришлось разделить. Так вирус благосклонного отношения к Ольге-писателю широко распространился. Редкие читавшие ее книги люди с изумлением говорили, что те написаны остроумно и что у автора есть собственное видение — вещь редкая, как краснокнижный зверь. Ольга не спорила, если ее называли человеком эпохи Возрождения. Ее статья была безупречна. Осанка балерины соединялась с грацией женщины, чье спокой-

ствие никогда не было потревожено. Она напоминала Диану де Пуатье, которая в те же 59 лет имела огромное влияние на своего преданного любовника, короля Франции. У нее были огромные серые глаза, волосы с проседью («красятся пусть старушки!») и очень много сил.

Лена — племянница Ольги — не обладала ни яркой внешностью, ни тетушкиной харизмой. Это была добрая воспитанная девушка двадцати восьми лет, из которых восемь последних она училась и жила в Европе. Большого состояния родители ей не оставили, но две квартиры в центре Москвы, которые снимали для своих сотрудников международные компании, позволяли ей жить без особых забот. Кроме того, она была единственной родственницей Ольги, а значит, и ее наследницей. Характер у Лены был спокойный, а сама она — вдумчивой. Решив, что надо «чем-то заниматься», она устроилась на работу в камерный московский музей. В экспозиции было тесно, пыльно, но любые попытки модернизации зала рассматривались как святотатство. Лене подходила исследовательская работа, и в профессиональных сборниках выходили ее статьи, посвященные живописцам первой половины XIX века. Она была похожа на Василису Прекрасную, и за глаза ее нередко называли «эта с косой». Интеллигентная Лена никогда не показывала коллегам фотографии своей набитой антиквариа-

том квартиры и тем более не рассказывала про знаменитую тетьу.

Алевтину, дочь садовника 17 лет, кажется, никогда в доме не называли ее полным именем, только «девочка», «она». Молчаливая, испуганная, длинная и сутулая она была рада любому вниманию. У нее был странный гардероб из дешевых вещей и старых вещей Ольги. У нее не было друзей-ровесников, она почти не покидала дом. За длинным асимметричным каре из светло-русых волос никто не замечал ее глаз. Ольга помогла ей с грехом пополам окончить экстерном школу, а после пристроила в платный вуз на заочное отделение изучать бухгалтерское дело, которое «обязательно пригодится». Аля с вдовым отцом жила в отдельном домике на противоположной стороне участка. Садовник пил, от него пахивало, но Ольга «жалела его ради Али» и говорила, что другого такого трудягу она не найдет. Участок действительно был ухожен, правда, занималась этим в последние два года Алевтина. Когда Ольгу спрашивали, зачем ей в доме неловкая и несообразительная девушка, она улыбалась и отвечала: «Меценатствую».

Также на ужин была приглашена давняя подруга именинницы – Татьяна, грузная шатенка с большими ногами. Таня тоже была искусствоведом, до знакомства с Ольгой у нее вышли две книги, но признания они не получили. Она бралась за любую работу:

давала уроки, писала обзоры выставок. За ее спиной Ольга рассказывала, что спасла ее от тяжелой работы по уборке квартир. Тане было тридцать восемь, однако издалека она выглядела старше Ольги. Начитанная, умная, из провинциальной интеллигентной семьи, Татьяна с трудом представляла себе, что человек может не знать, например, как умер император Клавдий, и даже не интересоваться этим. Как только появились блоги в интернете, она к ним приросла, обретя там отдушину и друзей. Татьяна — мать-одиночка, единственный работающий человек в семье из трех женщин.

Даниил был своим человеком в доме Ольги, дальним родственником ее мужа. Любая российская женщина от 13 до 83, взглянув на него, с большой вероятностью воскликнула бы «Какой хороший мальчик!». Он не выделялся внешне, разве что у него были очень хорошие зубы. Муж Ольги всегда говорил родне, что они должны всего добиться сами. И вот Даниил в свои двадцать восемь лет кое-чего добился — ездил на последней модели Audi и уверенно вел свое дело к новым вершинам. Девушки на него уже охотились, но он мало обращал на них внимания и называл своей семьей Ольгу и Елену. Стройный, кареглазый с кучерявыми волосами «ботан», он обладал талантом нравиться людям.

Федор, председатель благотворительного фонда «Дай копеечку», приятельствовал с Ольгой более три-

дцати лет. Он всегда был себе на уме. Дорого одевался и был похож на филина. Круглый, пузатый, в широких очках, он тоже коллекционировал предметы живописи. Жил Федя, по его собственному признанию, «на пенсию», а именно на свой выгодно проданный фармацевтический бизнес. Проживал в загородном доме неподалеку от Ольги вдвоем с зенненхундом Беней. В молодости он имел привычку жениться на красивых и умных женщинах — в частности, был женат на подруге Ольги и по старой памяти называл хозяйку дома «Леля» или «наша орхидея». Федор считал себя обязанным ухаживать за всеми девушками в зоне досягаемости, однако обещаниями сделать девушку богатой вдовой не сорил. Когда он говорил «душечка», казалось, его круглое тело покрывалось невидимым камзолом, а на голове возникал пудренный парик.

Толя Мамонов, в определенных узких кругах известный как Мамонт, выглядел на этом празднике культуры и ума как золотой зуб во рту младенца — то есть неуместно. Невысокий, коренастый, он был цельным, как пиксель. Лицо у него было лопатой, и в фильмах Балабанова он мог бы играть без грима. Ловко сменив личину в конце 90-х, сегодня он представлялся бизнесменом, однако темные брянские леса помнили его подвиги периода первичного накопления капитала. Он познакомился с Ольгой вскоре после смерти ее мужа. Ольга говорила, что, утомившись

мыльным обществом жриц Астарты¹, он «почувствовал дефицитарность образования и душевного развития», поэтому и рад общению. Толя следил за тем, чтобы все счета за дом были оплачены вовремя, а все расходные материалы для жизни закуплены. Также он распугивал потенциальных просителей денег одной только непередаваемой игрой морщин на своем лице пятидесятилетнего мужчины. Ольгу он называл королевой. И писал стихи, от которых тошнило Татьяну.

Кроме этих семерых в доме находились домработница филиппинка Марла и постоянно живущая при Ольге медсестра Зоя — прямоугольная, сбитая и немногословная.

В тот вечер Ольга обещала рассказать «восхитительную историю» и заинтриговала гостей рассказами о том, что скоро «весь мир узнает огромную тайну». Она сияла, ахала, охала, взмахивала руками и кокетничала с Федором так, словно им обоим снова было по двадцать лет.

А утром она не проснулась. Вскрытие показало, что она выпила целый пузырек лекарства, которое ей, с ее сердцем, было строго противопоказано. Однако это лекарство она купила сама, и этому нашлись доказательства.

---

¹ А с т а р т а — древнесемитская (финикийская) богиня плодородия, любви и материнства, богиня-воительница, олицетворение планеты Венера.

ПЕРВЫЙ ВИЗИТ К АЛЕКСАНДРУ

Известный московский адвокат Платон Степанович Смородина не был удивлен ни удаленностью расположения усадьбы, в которую его пригласили, ни строгостью досмотра. Это был похожий на плюшевого мишку пятидесятилетний мужчина, в котором опознал бы профессора даже бомж. Однако не следовало шутить над его десертной фамилией — Платона Степановича уважали даже те, кто ему проигрывал процесс. Ненавидели и уважали. Он был весь ухоженный, со вкусом одетый — оправка очков сочеталась с цветом сорочки, а последняя была настолько свежа, что с головой выдавала любовь, которую испытывает к этому большеголовому человеку тот, кто следит за его внешним видом. Он был немножечко рассеянным, добрым и романтичным. Регулярно терял ключи от дома, и их находили то в коробке из-под обуви, то в микроволновке. Когда машина подвозила его к дому, Смородина внимательно смотрел на встречающих его людей подслеповатыми глазами крота в больших очках с толстыми стеклами.

Еще со времен аспирантуры он был для всех Платоном Степановичем. Потей и Тошей, кроме жены, его называли сегодня разве что друзья детства. Приятели, обретенные им в зрелом возрасте, даже после долгих лет дружбы называли его по имени-отчеству.

Смородина не сразу согласился приехать, его настораживала формулировка «есть некоторая специфика, которую можно объяснить только лично». Он не любил «влиятельных» клиентов, предпочитая им простых богатых людей. «Влиятельные» платили в лучшем случае так же, как и остальные, а работы выходило больше. Если же работы не выходило больше, «влиятельные» норовили добрать нервами, личным временем, унижениями. Они были глубоко убеждены в том, что работать на них — счастье. Однако его уверили, что ничего уголовного в деле нет, и окончательно поймали на имя Ольги, в которую школьник Тоша, впервые увидевший глаза-блюдца на экране черно-белого телевизора, конечно же, был влюблен. Еще звонивший уверял, что его слава интеллектуала, друга философов и режиссеров, будет востребована в полной мере.

— Ну уж и слава, — пробурчал, повесив трубку, Платон Степанович, однако несколько минут после этого просидел совершенно без дела.

Влиятельный человек оказался невысоким и лысым, с темно-кариими глазами. В профиль, из-за

длинного носа со сложным рельефом, Александр был похож на Кощея Бессмертного. Платон Степанович подумал, что, должно быть, у этого ветхого старца хрупкие кости. Однако его осанка не вызвала бы вопросов на балу у императора еще сто лет назад. В гостиной и кабинете висели картины XIX века, Смородина узнал размашистую кисть Репина. Он подумал о том, что время идет неравномерно, и мы часто живем ценностями позапрошлого века — читаем Чехова, любим Серова. Системы собирательства не прослеживалось, видно было, что картины подбирал не антиквар и не галерист. Хозяин замка-берлоги не впадал и в минимализм — способ, с помощью которого человек заявляет, что он против вкуса чиновничьей верхушки и не слушает Любовь Успенскую. Александр тащил в дом что хотел. Представитель журнала «Архитектурный дайджест» скривил бы лицо, оказавшись в таком интерьере.

— Мне рекомендовали вас как человека деликатного. Кроме того, я искал адвоката, который... чувствует искусство. Отчасти, я так понимаю, вас ввели в курс дела? Ушла из жизни дочь человека, которому я многим обязан.

Александр выложил на стол перед Смородиной большую черно-белую фотографию красивой большеглазой женщины элегантного возраста. Платон Степанович помнил ее юной, но сразу узнал.

— У следствия нет вопросов, — продолжал Александр. — А у меня есть. Например, в последний вечер она говорила про какую-то тайну, которую скоро все узнают. Оля была вхожа в самые высокие, невидимые обывателю слои общества. Что она имела в виду? Я хочу это знать.

— Но я адвокат, а не следователь.

Александр пропустил эти слова мимо ушей. Такова была его манера работы с возражениями.

— Я никогда не понимал Ольгу. Вы ведь узнали ее? Признайтесь, были влюблены в детстве? Конечно, были. Вы приятельствуете с режиссерами, актерами, всеми этими лишними людьми, обойдемся без вежливости. Ольга была не такая. Я знаю, как относится к нам богема. Завидует. Потому что это мы соль земли. Не будет нас — ничего не будет. Вас удивляет, что я говорю метафорами?

Платон Степанович мог бы многое рассказать про отличие фразеологизма от метафоры, но если он чего-то и добился в жизни, то потому, что умел договариваться. Весь его жизненный опыт подсказывал, что таких людей, как Александр, нельзя ни поправлять, ни тем более учить. Александр хотел произвести на него впечатление образованного человека, небанального представителя спецслужб? Пожалуйста.

— Нет. Я уже оценил выбор живописи.

— Я хочу, чтобы вы поняли ее душу.

Смородина ухмыльнулся про себя. С Мефистофелем он еще не работал.

— Я все же больше работаю с документами. Мне нужна конкретная задача.

— Там и документы могут всплыть. Пока не понимаю где. — Александр вздохнул. — Я вижу вас и понимаю, что мне нужен такой человек, как вы. Мне рекомендовал вас...

Тут он назвал имя крупного клиента Платона Степановича. Это располагало. Однако столь расплывчатое техзадание, как «понимание души», настораживало.

— Я польщен, но все равно я не психолог. Произошедшая трагедия — потеря для всей России, не только для друзей Ольги... Иосифовны, если не ошибаюсь. Но я привык быть полезным.

А Мефистофель явно не привык к тому, что ему возражают.

— Она осталась совсем одна. Умер отец, который мог бы ее защитить. Муж тоже. У вас есть дети?

— Да, сын.

— Сильная, крепкая, полная планов. Пять километров гуляла по лесу каждый день. Приняла в пятьдесят девять лет лекарство, которое строго ей противопоказано. Целую упаковку. Даже если сдуру, то зачем так много? Как только я узнал, что случилось с Ольгой, сразу подключил к делу моих сотрудников.

И оказалось, что за последний год она сняла в банке девять миллионов долларов. Но никаких следов того, что она купила на эти деньги машины, бриллианты, недвижимость. Пусть бы она жгла их по ночам у цыган, как пьяные купцы перед революцией. Так ведь не было такого! Мне это все не нравится. Признание-то, если нужно, можно получить. С этим вопросом нет проблем. Как говорил про признательные показания папа Оли: ничего не просите, сами придут и сами все дадут. Я хочу понять, что там происходило.

— Для этого нужен частный детектив. Я больше занимаюсь разводами...

— Вот развод-то там, я чувствую, и произошел. Детектив... Нужен просто умный человек. Умный и внимательный. Вы, наверное, начитались романов?

Смородина почувствовал обиду, но он бы не был успешным адвокатом, если бы это чувство отразилось на его лице.

— Романы я люблю, это правда.

— На самом деле частные детективы не самые сообразительные люди. Незаметно следить за дурой какой-нибудь, это они умеют. А думать им не выдали. Да что там! Даже хороший агент может что-то проглядеть... Мои люди начали опрашивать свидетелей, так у одной припадок случился. Сейчас люди ничего не умеют. Молодые! Что от них ждать, от молодых? Раньше умели залезть в душу, выведать все так,